

Доклад Г. В. Стручалиной «Поэтика Василия Яковлевича Ерошенко в контексте ориентального романтизма» во время проведения

Международной научно-практической конференции «*Великий незрячий*», посвященной 130-летию Василия Яковлевича Ерошенко и 30-летию его мемориального музея в селе Обуховка (2020)

Как только не называют Василия Яковлевича, – и писателем-романтиком, и писателем-символистом; его относят и к писателям, которые были увлечены идеями Русского космизма.

Все это отчасти справедливо, и в то же время сужает наше восприятие текстов Ерошенко и самой личности этого писателя, потому что рамки, наверно, всегда помогают лучше понять какой-то аспект, но не дают возможности охватить цело и многогранно.

Тем не менее, мы сосредоточимся, конечно, только на так называемом ориентальном романтизме. Что дало мне повод об этом порассуждать? Цитаты из высказываний самого Василия Яковлевича. Он беседовал на философские темы с Рабиндранатом Тагором. Когда философ попросил его что-то о себе сказать, как-то презентовать себя, Ерошенко ответил очень просто: «Я пишу свои сказки по-Японски, и товарищи называют меня японским поэтом». Но, чтобы быть Японским поэтом, надо совпадать с ожиданиями, с жанровыми представлениями своей читательской аудитории. Это очень трудно для человека иной культуры, носителя другого языка, носителя принципиально другого мышления. Заслужить право быть японским поэтом дорогого стоит.

Что такое быть поэтом в странах Азии?

Для этого мы должны посмотреть, что происходило в Японии, в Китае... Что происходило в литературе? Что происходило в общественной жизни этих стран?

Напомню: это примерно 1914 – 1924 годы.

Что происходит в Японии?

Закончилась эра Мэйдзи – очень важная эпоха, когда началась вестернизация страны, ломка патриархальных представлений во всем (в быту, в литературе, в научной мысли). Япония переживала очень интенсивное развитие.

После 1912 года началась эпоха Тайсё. Надо сказать, что романтизм, как литературное направление, пришел в Японию в эпоху Мейдзи, то есть в конце XIX – в начале XX века. Там уже он сложился очень быстро; развился такой японский романтизм. Конечно, он был основан на западном романтизме, но носил яркие черты, присущие японской литературе.

Самобытная культура не может заимствовать абсолютно слепо, копировать все, что она заимствует.

Что же происходит в Китае? В 1911 году произошла Синьхайская революция. Это падение империи, провозглашение республики.

В это же время происходит борьба внутри политических партий. Если Япония чувствует себя на подъеме (победа в войне 1905 года сыграла положительную роль в самоутверждении нации), в Китае нация переживает депрессию. Империя, которая существовала сотни лет, а если в широком плане, то и тысячи лет, распадается. Китай находится в очень тяжелом экономическом и политическом положении. Смена строя не влечет за собой экономический подъем. Подъем только патриотической мысли.

Кроме того, обостряются отношения между Китаем и Японией. Движение «4 мая» в 1919 году как раз в русле, с одной стороны, антияпонских настроений, с другой патриотичных, требующих деятельного изменения ситуации.

Вообще, для китайской культуры, для интеллектуалов, более характерным было созерцательное философское размышление; советы правящему классу, как обустроить жизнь в стране. А тут они понимают: это перестает работать, и надо бороться с оружием в руках.

Это тоже требует колоссальных душевных сил и перестройки национального мышления, и, конечно, от передовых людей общества в первую очередь.

В то же время 1914 год... Первая мировая война. Она затрагивает все страны. Азия, как регион, является ключевой точкой, полевой точкой во взаимоотношениях между крупнейшими державами этого времени.

Кроме того, события в России... Предреволюционная и послереволюционная ситуация сказывается на жизни приграничных территорий, на жизни всех соседей Российской империи.

Если вкратце подытожить, что происходило в это время? Усиление антиимпериалистических настроений. Империалисты, олигархат, монархи, которые тоже проникнуты этими настроениями, мало вызывают симпатий у населения, даже если они успешны. А если они неуспешны либо в войне, либо в экономической политике, обостряют конфликт классовый, обостряют конфликт населения и части элиты с властью. Продолжается движение к многопартийности, борьба партий внутри страны. По разным причинам усиливается народное недовольство; народ имеет шанс самоорганизовываться – где-то организовывается в партии, где-то в движения; где-то в кружки... Где-то просто, чтобы противостоять.

Нет еще конкретной политической позиции, политической программы, которую можно было бы предложить, как альтернативу того, что происходит в стране. Зато можно предложить свою протестность. И эта протестность оказывается востребована разными силами. Хорошими или плохими – другой разговор. Но то, что эта протестность очень востребована – факт.

А тут еще женский вопрос. Борьба за женское избирательное право затрагивает разные государства, Японию чуть меньше.

Вот в какое интересное время Василий Ерошенко попал в Азию, в какое

время он самоутверждался и утверждался как литератор.

Что еще можно сказать о восточном романтизме, кроме того, что это был очень яркий, очень короткий интенсивный процесс?

К моменту, когда Василий Яковлевич попал в Японию, а потом в Китай, романтизм уже сложился и даже частично закончился.

Весь он, конечно, не ушел, но в то время уже новую дорогу прокладывает себе реализм, и множество направлений.

Вообще, для стран Азии, где происходила вестернизация, начало XX века, приблизительно до тридцатых годов – период сосуществования всего со всем.

Нет такой последовательности: вот, романтизм ушел, пришло что-то новое. Нет. Романтизм есть, он сложился. Кто-то из писателей от него уже отходит. Кто-то занимается проблемами символизма. Кто-то уходит в гротескный психологизм или в чистый реализм.

Все это сосуществует, обменивается энергией и литературными находками.

Вот в такой бурлящий котел попадает наш Василий Яковлевич.

В чем заключается приемственность с национальным колоритом?

В том, что и в Китае, и в Японии, долгое время, как основная категория представлений этических и эстетических, существовало (и продолжает существовать, но уже сбавило позиции) конфуцианство.

В конфуцианстве есть такое понятие «дзен». Его обозначает иероглиф – человек, который связывает небо и Землю. Это понятие высокогуманистической личности. Личности, которая ориентирована на саморазвитие, не порывающая с обществом.

Романтики часто думают о себе, как о человеке, совершающем побег из общества, которое недостойно перемен. Развитие возможно, лишь когда ты в какой-то мере порываешь с обществом.

По теории конфуцианства, человек, наоборот, должен интегрироваться в это общество. Его гражданский долг – улучшать общество, вести своих современников к высшим идеалам гуманизма.

Большой процент людей, ориентированных на дзен, даст процветание в обществе.

И конфуцианство, и традиционные религии (например, буддизм) ассоциируются у вестернезированной части литературного сообщества, как патриархальная старина. Это и плюс, и минус. В романтизме есть некое ощущение старины, как чего-то доброго, но разрушившегося; чего-то забытого, потерявшего гармонию; какое-то восхищение руинами старины. Это хорошо. С другой стороны, это то, что обременяет, что нужно разрушить, отбросить; то, что мешает свободе в какой-то степени. Любое патриархальное направление не дает человеку смело выражать себя, свою личность, свою свободу. Это еще одна из категорий романтизма. Вот такое противоречие.

Василий Яковлевич попадает в эту среду, которая сама еще не определилась до конца, что хорошо, а что не очень хорошо. Вроде бы

мы конфуцианство отринуть не можем; с другой стороны, оно нас сдерживает. В Китае в то время считалось, что конфуцианство – философия, которая изжила себя, не дает развиваться, не дает Китаю преодолеть разницу между ним и Западными державами – ни в экономическом плане, ни в плане науки, ни в плане эстетических и литературных категорий. Это путы.

Лу Синь и люди его круга это ощущают. При этом, когда они пишут о конфуцианстве и о конфуцианской культуре, конфуцианской литературе, не могут отойти от категорий конфуцианства, потому что это глубже, чем политические или эстетические воззрения. Это глубинная прошивка нации. Изъять ее невозможно, как невозможно вырезать жизненно важный орган из организма.

Василий Яковлевич, когда пишет свои произведения, где-то интуитивно, где-то размышляя над текстами, которые он слышит, размышляя над письменными источниками, которые он изучает, ощущает эту диалектику – насколько традиционное и новое противоречит друг другу, и насколько оно необходимо друг другу.

Когда мы читаем его тексты, мы это видим и в китайском цикле рассказов, и в его японских сказках это довольно четко прослеживается. Еще одна характерная черта для романтиков обеих стран – стремление внести вклад в формирование новой культуры. Если романтик западный стремился утвердить свое мировоззрение, то романтики Китая и Японии хотели изменить культуру. Они ощущали определенное миссианство.

Видимо, Василию Яковлевичу эти взгляды были близки.

Мы сейчас перейдем к очень тонким настройкам, которые Василий Яковлевич ощущал, связанным с этнопсихологией, и в его текстах они тоже присутствуют.

Прежде всего, то, что отмечает известный японист Евгений Семенович Штейнер: психология людей Востока – поиск другого в себе, не себя в другом. Это заключается в том, что люди на Востоке ориентированы на коллективное сознание. Если ты демонстрируешь самость, ты неизбежно попадешь под влияние дурных тенденций, – говорит конфуцианство. Дурные тенденции всегда приводят к конфликту с обществом. Этого допустить нельзя. Если на широкой равнине Китая это еще как-то можно было бы допустить – уйти в другую часть страны, – то на островах Японии такая тенденция ведет к краху отношений внутри маленького сообщества, а если смотреть шире, внутри всего государства. Люди, понимая, что это ведет к саморазрушению, старались этого избегать. Сначала интуитивно. Потом это декларировалось и религией, и этикой, и на государственном уровне.

Таким образом, происходит отказ от личного, интеграция с коллективным. Романтика революции на это опирается. Если мы вспомним лозунги революции, начиная с Французской, они говорят, что надо поступиться личным в пользу общественного. Произошла проекция традиционного на новое. Новое обогатилось традиционным.

Еще один момент – отношение к трагизму, страданиям.

В Китае и в Японии это разные вещи, тем более, в начале XX века.

В Китае трагизм ощущался сильнее всего, потому что страна находилась в тяжелом положении; все происходящее воспринималось думающими людьми в трагическом окрасе. Трагическое вело к обострению чувства гнева и протеста, а не к желанию куда-то спрятаться, самоустраниться, сожалеть, печалиться и восклицать: «Ах, увы! Мы наблюдаем последние дни нашей страны».

Это была поэтика протеста, гнева, пафосной жалобы – жалобы деятельной, которая, вслед за горестным восклицанием повлекла активное объединение для того, чтобы изменить ситуацию.

Василию Яковлевичу это близко. В его сказках мы видим пограничное между восклицанием, гневным осуждением и деятельной надеждой – надо бороться за счастье, за мечту. Ощущение самой мечты с окраской трагизма. Мечта не может быть нетрагична. Это сопряжено с тем, что он видел, с тем, что он ощущал, общаясь с широким кругом людей.

Если говорить о Японии, наблюдаем интересный момент. Японский романтизм того времени не трагичен. Там могут быть элементы личной трагедии – крах чувств, любовная линия. Но трагизм в другом. Трагизм, когда романтизм соседствует с реализмом. Мы видим трагедию, когда она разворачивается в реальной жизни.

У Ерошенко сочетается то и другое. Сочетается вместе с фантастикой. Фантастика – традиционно романтическое поле деятельности. И западный и восточный романтизм фантастику любит, фантастику использует. Вопрос: в связи с чем это происходит?

У Василия Яковлевича фантастика трагическая. Именно в его творчестве произошло переосмысление фантастического начала. С этим фантастическим началом связано такое понятие, как представление о безумии. Романтический герой безумен. Эта мода пошла из западного романтизма. Герой появлялся всклокоченный, мрачный, отчасти мистический, отчасти интригующий. Такой персонаж, и сам автор так воспринимался своими современниками. В романтической фантастике Востока безумный – человек, который может предложить что-то другое; тот, кто не согласен. Этот элемент роднит с традиционным русским безумцем, он появился еще до начала романтизма – безумный, юродивый. В гражданском понимании он безумный. В плане духовных исканий он глубоко разумен, и достоин не просто сожаления, что он не встроился в это общество. Он достоин восхищения, потому что может отринуть пути этого общества и вознестись выше; одновременно он находится в этом обществе, тратит себя, чтобы таким странным поведением вести общество к гармонии с духовным миром, очищать это общество.

Такой персонаж у Василия Яковлевича появляется довольно часто. В принципе, любой романтический герой отчасти безумный и ощущает свое безумие.

Поэтому можем сказать, что в творчестве Ерошенко соединились очень глубокие литературные традиции – и Восточные, и Западные. Произошло их переосмысление. Именно глубина этого соединения привлекала восточных читателей. Когда они воспринимали тексты, написанные на Японском, переведенные на китайский, они воспринимали их не просто как экзотику (белый человек приехал в Азию. Это что-то новое). Это воспринималось, как свое. Отчасти из-за ощущения Василием Яковлевичем таких категорий, как «саби», «ваби», - ощущение красоты в разных ее ипостасях. Это красота увядающая; красота грубая, простая и одновременно изящная; это красота трагическая; это красота, зовущая к действию... Разные грани красоты, присутствующие в текстах Ерошенко. И одновременно это гнев и протест. Такое большое, сложное объединение повлияло на то, что европейский писатель был принят именно так в странах Азии. Это еще одна особенность личности и судьбы Василия Яковлевича – быть таким мостом между культурами и народами.